

УДК 111.1::316 (045)

Н.Б. Полякова, В.В. Скобелева, А.А. Шадрин, А.А. Шамиурин, А.В. Ярков**«ПРОБЛЕМАТИКА ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА: PERPETUUM MOBILE»****«Круглый стол» кафедры философии и гуманитарных дисциплин****совместно с Удмуртским филиалом Института Философии и права УрО РАН (31 мая 2019 г.)**

Работа 5-го круглого стола «Философия: герменевтика концептов» посвящена теме «Проблематика философской концептуализации языка: Perpetuum Mobile». Представленная тема рассматривается в контексте проблемы глоттогенеза, имеющей многовековую историю. В выступлении А.А. Шадрин проблема происхождения языка раскрывается через обращение к понятиям Perpetuum Mobile и Tabula rasa. Обращение к ним позволяет представить язык в аспекте реализации либо нейтрализации врожденной способности заговорить, характеризующей человека в его существе. Утверждается и эксплицируется тезис о её врожденности, но не природности. Применительно к проблеме глоттогенеза понятие *Perpetuum Mobile* задается в качестве само-достаточно продуктивного конструкта, всякий раз возвращающего мышление к его языковому истоку. Представление о *Tabula rasa* служит метафорой «чистой доски», на которой способны проступить любые языковые структуры, возможные в пределах любого человеческого языка как целого и/или системы. Тем самым традиционное определение человека как существа био-социального уступает своё место философскому концепту человека как существа лингво-социального.

Ключевые слова: язык, мышление, проблема глоттогенеза, *perpetuum mobile*, врожденная способность заговорить, *tabula rasa*, врожденность, природность, сигнальные системы, лингвистика, философская концептуализация.

DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-2-123-131

Полякова Н.Б. – заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Здравствуйте, уважаемые коллеги! Рада вас видеть и приветствовать за нашим очередным – уже пятым по счёту – круглым столом. Наша майская встреча посвящена тематике языка, его философской концептуализации, в частности, проблеме глоттогенеза, как мы, собственно, и намечали год назад, и наш докладчик сегодня – Алексей Анатольевич Шадрин. С удовольствием передаю ему слово, пожалуйста.

Шадрин А.А. – доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук, доцент.

Спасибо, Наталья Борисовна. Да, мои «майские тезисы» непосредственно связаны с проблемой глоттогенеза и озаглавлены они предварительно так: «Проблема глоттогенеза: производящий и производимый конструкт Perpetuum Mobile».

Начну с того, что если в науке – научном дискурсе – понятие Perpetuum Mobile уже довольно долгое время прочитывается в негативном или ироническом смысле, то в философской рефлексии (философском мышлении) применительно к проблеме глоттогенеза (и целому ряду других проблем и/или вопросов, в частности, т.н. называемых вечных) оно оказывается само-достаточно продуктивным: конструктом одновременно производящим и производимым. Проблема глоттогенеза – именно в качестве проблемы – обретает собственную форму (предъявляется) в вопросе о происхождении языка. Будучи собственно *языковой*, сама *форма вопроса* размещает проблему глоттогенеза внутри языка так, что выход за его пределы *в ответе* на этот вопрос становится невозможным. Иначе, вопрос о происхождении языка принадлежит самому языку, его истоку и его же возможным пределам. Ответить на этот вопрос язык должен целиком, поэтому его ответ может быть только развернутым – философствующим и/или концептуальным.

Дотянуться до истока, или начала, языкового говорения во временной, или темпоральной, перспективе невозможно, равно как и представить существование человека в его до-языковом (невербальном) статусе, состоянии, положении и/или модусе. По мысли В. Гумбольдта, «язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно всё, благодаря чему он становится единым целым» [1. С. 308]. И «...первое слово уже предполагает существование всего языка» (Там же. С. 314). Язык всякий раз (как будто) рожда-

ется заново с произнесением первого слова устами ребёнка, статус которого (в его принадлежности к роду) характеризуется по существу единственной врождённой способностью – способностью заговорить. Она сравнима с представлением о *Tabula rasa* – «Чистой доске», на которой способны проступить любые языковые структуры, возможные в пределах любого человеческого языка, как целого и/или системы.

Кроме того, врождённая способность заговорить снимает оппозицию *уникального* и *универсального*: она уникальна, поскольку только человек (ребёнок) способен заговорить на человеческом языке по-человечески, т. е. осмысленно; она универсальна, поскольку ребёнок способен заговорить не только на любом человеческом языке (любой этнический язык может стать для ребёнка родным), но и воспринять любую сигнальную систему животных, т. е. биологических видов (т. н. дети-маугли, «одичавшие», или феральные, дети). Парадоксальность врождённой способности заговорить заключается в том, что, несмотря на её *врождённость* (что свидетельствует о принадлежности к роду), она не может быть определена в качестве *природной* способности. На *не-природность* врождённой способности заговорить указывает тот факт, что при её не-реализации в течение определённого времени она утрачивается, и утрачивается *навсегда* (феральные дети не-способны к социализации, или социальной адаптации).

В трансформационной порождающей грамматике Н. Хомского, опирающейся в первую очередь на синтаксис, главная задача лингвистики видится в формальном описании универсальной грамматики. Однако формальное ее описание по сути представляет собой попытку воссоздания (реконструкции) праязыка, т. е. преследует ту же цель, что и традиционная лингвистика, но уже на уровне искусственного языка, т. е. языка мышления. Это тот же поиск универсальной языковой матрицы (лат. *matrix* – «первопричина»), или праструктуры, способной выразить человеческий язык как таковой в его существе, как он может быть представлен в виде математического (формально-логического) конструктора.

Предположение о существовании универсальной грамматики задаёт (оппозиционную) пару «гипотеза / концепт»; различия двух типов рациональности: научной и философской.

В курсе лекций о Лейбнице Жиль Делёз, обращаясь к философии И. Канта, отмечает: «Когда Кант использует слово “феномен”, он заряжает его гораздо более мощным смыслом: уже не явление отделяет нас от сущности, а явленность. То, что является так, как оно является. Феномен у Канта – это не явление (*appareance*), это явленность (*apparition*). Явленность есть манифестация того, что является так, как оно является» [2. С. 121]; «“Феномен” означает: то, что предстает в пространстве и во времени» [Там же]; тем самым «... феномен – это уже не явление, за которым располагается некая сущность; феномен – это явленность, отсылающая к условиям своей явленности» [Там же. С. 122].

В отношении врождённой способности заговорить это означает, что она предстаёт явленностью, всегда уже реализующей (в случае реализации самой способности) собственную сущность. Единственным условием явленности способности заговорить служит её врождённость в присутствии «Другого» (человеческого языка как такового), претворяемого в окружении «других» (людей). Иначе, феномен врождённой способности заговорить выражает тождество имманентного и трансцендентного начал или, по Канту, тождество ноуменального и феноменального – *Вещи-в-себе* и *Вещи-для-нас*: условия возможности явленности (врожденной способности заговорить) и самой явленности (языка), провозглашаемой в естественном для ребёнка человеческом (социальном) окружении. Или, перефразируя основной тезис философской системы Б. Спинозы «*Deus Sive Natura*» (Бог, или Природа), в отношении врождённой способности заговорить действителен тезис «*Lingua Sive Natura*». Тем самым традиционное (востребованное большинством наук о человеке) определение человека как существа био-социального уступает своё место философскому – онтико-онтологическому, или онтолингвистическому («Теория слов» Л.С. Липавского) – концепту человека как существа лингво-социального.

Вот то, что я пока вкратце набросал и проговорил. Вы все в курсе, что в 2016 г. была опубликована моя монография «Сопредельные миры чинарей. Герменевтика концепта “Теории слов” Л.С. Липавского», где заявленная сегодня мною тема тоже достаточно хорошо просматривается. А затем в 2017 г. вышла статья «Концепт “точки зрения” в перспективе вопроса о генезисе языка», в которой эта тематика является, по существу, сквозной. Буду рад вашим мыслям, вопросам и замечаниям.

Яркеев А.А. – старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН, кандидат философских наук, доцент.

Алексей Анатольевич, у меня следующий вопрос: какова роль конструкта *Perpetuum Mobile* в заявленной теме выступления? В заглавии он представлен, а в дальнейшем – в тексте выступления – уже не «всплывает». Почему?

Шадрин А.А. Под *Perpetuum Mobile* здесь имеется в виду сама проблема глоттогенеза как таковая.

Яркеев А.А. Я понимаю, что Вы используете понятие *Perpetuum Mobile* как концептуальную метафору, но почему она непрерывно выступает производящим и производимым конструктом, проецирующим всё новые и новые вопросы, ответы на которые опять же выступают инициирующим началом проблематики глоттогенеза?

Шадрин А.А. Потому что в ответах на вопрос о происхождении языка за пределы последнего выйти невозможно. Этот вопрос отсылает нас одновременно и к языковому истоку, и к его (языка) возможным пределам.

Полякова Н.Б. На мой взгляд, в этом названии, когда мы говорим о производящем и производимом конструкте, прочитывается определённый подход, определённая методологическая направленность. Когда мы здесь обнаруживаем понятие генезиса, оно отсылает нас к *другим* представлениям – эволюционным по своему характеру. Меня интересует соотношение генетически-эволюционного представления о языке, как о точке его начала, или истока, и того, о чём Вы говорите в дальнейшем... Т. е. как генетический, или эволюционный подход, вдруг оборачивается конструктивно-концептуальным? – Не вполне прозрачно и понятно.

Шадрин А.А. Второй абзац. – Дотянуться до истока, или начала, языкового говорения во временной, или темпоральной, перспективе невозможно... Вот, как раз об этом и идёт речь. Т. е. от эволюционного подхода я здесь отказываюсь сразу же.

Полякова Н.Б. И тогда это проблема *глоттогенеза*? Может быть она имеет – может иметь – какое-то другое наименование?

Шадрин А.А. Отвечаю тезисом Ж. Лакана: ответить на этот вопрос – вопрос о происхождении, или генезисе, языка – невозможно, но и избежать, уклониться от него также не представляется возможным. Иначе, возникает отношение необходимости / невозможности – необходимости постановки вопроса, возвращения к нему и невозможности окончательного – исчерпывающего – ответа на него. Поэтому ответ на этот вопрос может быть только развернутым – философствующим и/или концептуальным.

Полякова Н.Б. Я это понимаю. Но всё-таки вопрос о происхождении языка – это всегда *неизбежно генетический вопрос*?

Шадрин А.А. Я понял Ваш вопрос, Наталья Борисовна. С одной стороны, этот вопрос мне самому порядком поднадоел (я занимаюсь им последние 7-8 лет)... Но, с другой стороны, что значит, избежать этого вопроса невозможно? – Он (сам этот вопрос) постоянно «подкидывает», проецирует некие новые возможности. Поэтому-то как раз я здесь и обращаюсь к этой чрезвычайно интересующей меня сегодня способности – врождённой способности заговорить, как единственной, по сути, врождённой способности, характеризующей человека в его *существо*. И она, что поразительно, оказывается, с одной стороны, *врождённой*, а с другой – *неприродной*.

Яркеев А.А. И сразу же возникает вопрос: тогда *какая* эта способность?

Шадрин А.А. Поясняю: само понятие *врождённой* способности показывает лишь на принадлежность к *роду человеческому*. Врождённая способность заговорить *неприродна*, поскольку, повторюсь, при её не-реализации (в течение определённого времени) она утрачивается, и утрачивается *навсегда*. Это один аспект. И второй – ребёнок никогда и ни при каких обстоятельствах *сам* не заговорит, – необходим *другой человек, другие люди*, иначе, необходима та социальная оболочка, покров которой позволяет этой врождённой способности обнаружиться и/или реализоваться. Понятие оболочки задействуется П. Слотердайком; метафора крова, или дома бытия – М. Хайдеггером; и с этими концептами, уважаемые коллеги, мы с вами хорошо знакомы. А вот сигнальные системы растительных, насекомых и животных видов полностью *природны*, поскольку заданы в них (самих видах) биологически, или генетически, и потому всегда реализуются, независимо от тех или иных обстоятельств.

Яркеев А.А. Это мы понимаем и прекрасно различаем человеческий язык и сигнальные системы биологических видов. Вопрос не в этом, а в терминологии и понятиях.

Скобелева В.В. – доцент кафедры журналистики ФГБОУ ВО «УдГУ», кандидат философских наук.

Врождённая способность – это некий потенциал?

Полякова Н.Б. Я тоже думаю, что здесь нужно разбираться терминологически. Насколько уместно (или необходимо) тут употреблять слово «способность»? Нет ли здесь, действительно, какой-то потенции или возможности? Не *задаток* ли это? Задаток всегда как бы *есть*, но не всегда реализуется. Когда он реализуется, он становится способностью. Отсюда вновь возникают вопросы: всё-таки это врождённая способность или это потенциал, возможность или что-то ещё? – Какая-то *внутренняя потенция*, благодаря проявлению которой человек (ребёнок), собственно, и становится человеком?

Шадрин А.А. Очень хороший вопрос, и я понимаю, в связи с чем он возникает. Но я всё-таки настаиваю на том, что это именно *способность*. Поскольку само понятие *потенции* предполагает некую *направленность*.

Полякова Н.Б. Способность разве не предполагает направленность?

Шадрин А.А. Предполагает, но *эта* способность оказывается *универсальной*. Т. е. она универсальна и уникальна одновременно. Универсальна она в том смысле, что, во-первых, любой этнический язык для ребёнка может стать родным, и в этом позитивность; негативность же, во-вторых, заключается в том, что ребёнок, в силу обстоятельств оказавшийся в животном окружении, так же способен усвоить любую сигнальную систему, я имею в виду детей-маугли. Чего не наблюдается в природе: животное не может переключиться с одной сигнальной системы на другую.

Полякова Н.Б. «Воспитание» в животной среде задействует какие-либо способности?

Ярков А.А. В данном случае о способностях вообще говорить некорректно, – у животных нет способностей.

Полякова Н.Б. Да, я как раз об этом и говорю.

Шадрин А.А. Поэтому я и употребляю понятие *врождённой способности*, – врождённой, а не природной. Т. е. вопрос заключается в том, уместно ли употреблять понятие способности по отношению к сигнальным системам биологических видов? – Согласен, может быть, и неуместно, но это лишь ещё раз подчёркивает её – врождённой способности заговорить – уникальность. Но по отношению именно к этой (причём единственной) человеческой врождённой способности я всё-таки настаиваю на понятии *способности*. Я не могу подобрать лучшего, более точного, оптимального, или приемлемого, понятия.

Ярков А.А. Но это мелкий вопрос...

Полякова Н.Б. Это терминологический вопрос.

Ярков А.А. Меня всё-таки смущает понятие врождённости...

Шадрин А.А. Как принадлежности к роду человеческому?

Ярков А.А. Да, поскольку род ведь тоже может рассматриваться как *биологический* род.

Полякова Н.Б. Да, и если мы будем рассматривать «при-роду», то она тоже окажется «при-роде», т. е. при рождении.

Ярков А.А. И потом, слово «род»... родился, биологически появился на свет.

Полякова Н.Б. Да, и это тоже имеет биологическую природную основу. Разве не так?

Шадрин А.А. Согласен, всё очень близко. Врождённость и природность – это почти одно и то же, но не одно и то же.

Ярков А.А. *Минимальное различие* Славоя Жижека?

Шадрин А.А. Да-да! Казалось бы, *биологически* появился на свет *человеческий* ребёнок, и он, казалось бы, уже по факту своего рождения принадлежит к роду человеческому. Назовём рождение ребёнка событием *этапным*, поскольку этот этап действительно должен быть пройден. Так вот это событие (рождение ребёнка) безусловно *этапное*, но пока ещё не *значимое*. Значимым оно станет только тогда, когда ребёнок *заговорит*. Но ведь он сам не заговорит никогда. Ему необходим другой человек, другие люди, которые с ним заговорят – должны заговорить – *первыми*. Тогда-то и реализуется его (ребёнка) врождённая способность заговорить. Более того, эта способность может быть утрачена ребёнком навсегда, если он на несколько лет (пяти более чем достаточно) окажется в животном окружении. Это действительно ужасно, поскольку в дальнейшем, оказавшись среди людей, биологически одного с ним рода, ребёнок уже никогда не социализируется. И даже более того, дети-маугли в человеческом окружении, как правило, не выживают. Поэтому я и утверждаю, что врождённая способность заговорить отнюдь не является природной (в биологическом смысле).

Полякова Н.Б. Язык здесь предъявляется в его речевом, звучащем осуществлении?

Шадрин А.А. Да, звук онтологичен, или он и онтичен, и онтологичен одновременно, поскольку материален, физичен и в то же время наделён смыслом, смысловой направленностью произносимого слова или предложения. Неслучайно М. Хайдеггер задаёт речь в качестве определяющего способа бытия языка, – речь, произносимую здесь-и-сейчас.

Яркеев А.А. Почему только звук, звучащая речь? – Насколько я помню, Э.В. Ильенков писал о слепо-глухих детях, которые смогли «освоить» язык, и кто-то из них даже защитил две диссертации – и кандидатскую, и докторскую.

Шамшуринов А.А. – Аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «УдГУ».

В данном аспекте можно вспомнить эксперимент А.И. Мещерякова по формированию и развитию психики у слепоглухонемых детей. Он занимался с четырьмя детьми, и Э.В. Ильенков об этом пишет в работе «Философия культуры».

Яркеев А.А. Вот пример того, как дети смогли освоить язык, несмотря на отсутствие слуха и зрения.

Скобелева В.В. Есть такие люди, и они социализируются, благодаря специальным методикам обучения.

Шадрин А.А. В человеческом окружении, конечно же, это возможно, но когда его нет в течение первых пяти лет жизни ребёнка, социализация уже невозможна. Пять лет – это предел. Весь ужас-то в чём? – Даже дикие животные одомашниваются, domestизируются, а дети-маугли не «одомашниваются» и гибнут в том окружении, которое, казалось бы, должно быть для них естественным.

Полякова Н.Б. Тогда вопрос: они погибают только потому, что у них отсутствует язык, или потому, что у них отсутствует социальное окружение?

Шадрин А.А. Потому, что эта способность (врождённая способность заговорить) была нейтрализована той или иной сигнальной системой, нейтрализована целиком и полностью, т. е. это «место» – место языка – заняла определённая сигнальная система.

Полякова Н.Б. Можно предположить, что благодаря реализации именно языковой способности ребёнок входит в социально-культурное пространство, так?

Шадрин А.А. Да, конечно же, я придерживаюсь концепта М. Хайдеггера, который чётко утверждает, что человек – *языковое существо*.

Яркеев А.А. Вспоминается эпизод у Примо Леви, цитируемый Дж. Агамбенем, – рассказ о мальчике, который родился в концлагере, и его там никто не научил говорить. Там описывается весь ужас этого ребёнка, который не мог проломить свою немому, не мог выйти за её пределы, обратиться к людям, которые говорят. Они – языковые существа, а он – существо неязыковое, неязыковое существо среди языковых существ. Он погиб в итоге, но не потому, что не умел говорить, не по этой причине, скорее всего, и тем не менее эта ситуация, на мой взгляд, близка к тому, о чём говорит Алексей Анатольевич.

Скобелева В.В. Это социальная трагедия...

Полякова Н.Б. Речь об этом и идёт...

Яркеев А.А. Да, здесь акцентируется языковая сущность человека, что ребёнок не может как бы естественным образом сам собой заговорить, что кто-то должен его этому «научить», и если этого не произошло, то он становится просто беспомощным среди людей.

Полякова Н.Б. Да, но акцент исключительно на фонетике, звуковом ряде, строе языка сужает поле возможностей в разговоре о языковом континууме.

Яркеев А.А. Безусловно, есть и нефонетические языки, но какой момент, что здесь принципиально?

Шадрин А.А. Согласен, просто я говорю о том способе, или способности, реализация которой естественна для нас, для ребёнка в отношении начала говорения. Она естественна для естественного языка как такового. Что здесь принципиально, какие моменты интересны? – С моей точки зрения, два момента, или аспекта. О первом мы уже поговорили, – я имею в виду детей-маугли. Это один вариант не-реализации врождённой способности заговорить. Второй – слепоглухота. Но если ребёнок от рождения только слеп или только глух, он фактически полноценно социализируется, несмотря на врождённое отсутствие зрения либо слуха. В первом случае – опять же благодаря естественному языку, во втором – посредством жестового языка. Я специально, глубоко не интересовался жестовыми языками, но знаю, что, с лингвистической точки зрения, они мало чем отличаются от вербального языка. Это такие же осмысленные языки и обладают всеми необходимыми для человеческого языка грамма-

тическими компонентами. Жесты условно-схематичны, иногда возникают «на лету», необязательно визуально связаны с обозначаемым словом (т. е. также неоматопеичны как и слова вербального языка) и позволяют обращаться к любым темам: простым и сложным, конкретным и абстрактным. Кроме того, жестовый текст, в отличие от фонетического, не линейен, т. е. один жест может «высказать» целую фразу, задать определенное положение вещей. И в этом смысле у жестовых языков даже больше возможностей в сравнении с вербальным языком, – это объёмные языки, их структура включает в себя наряду с жестовым и немануальный компонент (используется взгляд, выражение лица, движения головы и тела). Таким образом, жестовые языки, как и вербальный язык, приводят в движение мышление, позволяют мышлению включиться и развиваться. Но вот что касается врождённой слепоглухоты, то я не могу себе представить, как возможно полноценное развитие такого ребёнка, как его мышление вообще может быть приведено в движение, как оно может заработать.

Яркеев А.А. Когда человек осваивает какой-то невербальный язык, неважно, жестовый или какой-то искусственно созданный язык, он наделяет любой жест либо знак каким-то смыслом, а смысл – это звучащий смысл...

Полякова Н.Б. Смысл может быть мысленно «озвучен»...

Яркеев А.А. Да, и поэтому мне тоже сложно представить, как они, слепоглухие, какие-то тактильные ощущения переводят в регистр смысла.

Шамшури А.А. Если мы обратимся к эксперименту А.И. Мещерякова, то там дети обучались, приобщались к культуре посредством предметов и вещей, т. е. посредством предметно-практической деятельности, начиная с навыков обращения с ложкой, кружкой и так далее.

Яркеев А.А. Получается, обучение проходило через интериоризацию предметов культуры, и так они усваивали смысл. Тогда возникает следующий вопрос: а как эти дети «схватывали», распознавали не-предметные, абстрактные смыслы?

Скобелева В.В. Такие, как любовь, красота, искусство и многие другие.

Яркеев А.А. Да, и они не выводятся из пользования вещами, какими-то предметами обихода и так далее. Вот в этом как раз и вопрос.

Шадрин А.А. И как же тогда были написаны диссертации? – В диссертационном исследовании без абстрактных понятий просто не обойтись. Пожалуй, единственное, что я могу предположить здесь: слепоглухота этих детей не была врождённой, т. е. возможно, они потеряли зрение и слух – одновременно или поочередно – в детстве тогда, когда какое-то языковое представление у них уже более менее сформировалось.

Полякова Н.Б. Да, возможно, что так. И каких-то интеллектуальных нарушений у них не было, целостность интеллекта была сохранена.

Шадрин А.А. Да. А целью человеческого – лингво-социального – окружения является как раз приведение мышления ребёнка в подвижное состояние, т. е., собственно, включение мышления. И здесь могут быть задействованы разные способы. Но естественное (человеческое) окружение ребёнка – оно всегда лингво-социальное.

Яркеев А.А. Если мы способны различать язык и мышление, возникает вопрос: что инициирует, что побуждает нас проводить такое различие? С одной стороны, они не могут существовать в (или по) отдельности, т. е. могут существовать только в тождестве; с другой стороны, мы их разделяем.

Шадрин А.А. Потому что в тождестве всегда присутствует некое различие. Понятно, что животные не различают собственных сигнальных систем в качестве таковых. Мы же, благодаря мышлению, способны дистанцироваться от языка, как той условно внешней системы, которая целиком определяет наше существование. И эта символическая дистанция позволяет человеку создавать искусственные языки, языки мышления, т. е. языки чистых форм.

Яркеев А.А. Но эти «чистые» формы тоже носят языковой характер. Любое понятие, в том числе и понятие формы, является языковым, словесным. Нет «чистой мысли» как таковой. Даже образ семиотичен.

Шадрин А.А. На одном из семинаров мы говорили о границах мышления, заданных вертикально: нижней и верхней. Нижняя граница – это логика, где мышления «ещё-нет»; а верхняя – фантазия, способность воображения, где мышления «уже-нет». На уровне логики (языка мышления) сама форма становится содержанием мышления, а на уровне воображения (языка поэзии) содержание воплощается в форме. Т. е. понятие формы оказывается актуальным как для нижней, так и для верхней границы мышления.

Полякова Н.Б. В поэзии на пределе тоже предъясняется чистая форма. Только между этими двумя границами возникает некий проблеск того, что зовётся мышлением, как бы сказал М. Хайдеггер. И действительно, ухватить мышление в «чистом» виде невозможно. Т. е. мы «схватываем» мышление всякий раз определённым способом: мы его как-то *оформляем*. И только тогда, когда оно как-то определено нами (вербально), мы начинаем о нём говорить.

Яркеев А.А. Возвращаясь к проблеме глоттогенеза, еще один вопрос: Алексей Анатольевич, что Вы для себя пытаетесь найти в этой проблеме в философском, онтологическом ключе, или отношении?

Шадрин А.А. В частности, я пытаюсь понять и осмыслить те положения, которые утверждает Ж. Делёз, и о них я пишу в статье, уже упомянутой мною сегодня. Вот эти три тезиса Ж. Делёза: «всесилие языка состоит в том, чтобы говорить о словах», «именно языку надлежит одновременно и устанавливать пределы, и преступать их» и «язык либо дан весь целиком, либо его нет вообще». И до Ж. Делёза, по существу, о том же самом говорит В. Гумбольдт: «язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно всё, благодаря чему он становится единым целым», и «...первое слово уже предполагает существование всего языка». Как язык рождается, возникает весь целиком, как это возможно онто-гносео-логически? – Вот тот вопрос, который меня «тревожит» и интересует.

Полякова Н.Б. Здесь, собственно, концептуализируется целостность языка. И целостность языка задаётся вопросом или в вопросе о его происхождении. Возможно ли задать целостность языка иным способом, иным вопросом? Потому что вопрос о происхождении языка «изъезжен» настолько, что, как Вы сами говорите, мы одновременно не можем и избавиться от него, и не говорить о нём, не возвращаться к нему. Но возможно ли, с философской точки зрения, сформулировать и задать эту целостность как-то иначе, в другом вопросе?

Шадрин А.А. Не соглашусь с Вами, Наталья Борисовна. Что касается того, что этот вопрос «изъезжен», – кем это и как он «изъезжен»? В отношении лингвистики Л.С. Липавский говорит о том, что для неё вопрос о происхождении языка должен быть *основным* вопросом. Но лингвистика всячески обходит этот вопрос, «отвечая» на него лишь гипотетически, и полёт фантазии, с моей точки зрения, там невысокий. Прочитую Л.С. Липавского: «Ограничившись несколькими замечаниями о том, что язык создан, вероятно, из звуков, связанных с работой, а быть может, частью из звукоподражания, языковеды спешат поскорее уйти от этого вопроса и уже не возвращаться к нему. Это так вкоренилось, что самый вопрос о происхождении языка и исходных первоначальных словах молчаливо признан каким-то неприличным вопросом, а занятия в этом направлении чем-то смешным и жалким, вроде попытки построить *перпетуум мобиле*. Для современной науки о языке не существует самого вопроса об истории значений: она считает, что нынешний ассортимент понятий единственный возможный, он существовал в готовом виде всегда, разве что в более урезанном виде прежде» [З. С. 291]. И «в основе этого отвращения языковедения к вопросу, который, казалось бы, должен бы стоять в центре его работ» проявляется не только нерелексивность, но и некое чувство: «Это чувство хотя и не осознанно, но весьма сильно: это – осторожность, почти инстинктивная боязнь беспочвенных спекуляций. Эта боязнь понятна: нигде, пожалуй, материал не бывает так податлив, так услужливо подтверждающим любую гипотезу, как в языке. Ведь букв в языке всего пара десятков, а звукосочетаний много сот тысяч; звуки могут переходить друг в друга, значения все связаны между собой самыми на вид разнообразными способами, так что можно соединять их нитями и так и так...» (Там же. С. 292). И далее: «Чтобы уберечься от спекуляций, языковеды отказываются вообще от какого-либо руководящего принципа. Они стараются только подмечать факты, считая, что факты в конце концов приведут к правильным общим выводам. Недостаточность проникновения вглубь материала они стараются возместить широтой привлекаемого материала. Современное языковедение недаром зовется сравнительным: оно изучает факты одного языка, сравнивая их с фактами других языков» (Там же).

Тем самым лингвистика лишь обращается к неким гипотезам – звукоподражательной (ономатопэтической), трудовой (т. н. теория «трудовых выкриков»), междометной, – не разворачивая их теоретически. Т. е. никаких развёрнутых теорий, отвечающих на вопрос о происхождении языка, в лингвистике нет. Есть только гипотезы. Но гипотеза – понятие научное, гипотеза должна *доказываться*, а доказать здесь равным счётом ничего невозможно. Тогда для чего обращаться к каким-то гипотезам? – Непонятно. Поэтому ответить на этот вопрос возможно лишь концептуально, а творчество концептов, и здесь я, безусловно, опираюсь на Ж. Делёза, – это как раз по философской части. И «Теория слов» Л.С. Липавского в этом отношении оказывается редким исключением, когда философ

действительно пытается концептуально, развёрнуто ответить на вопрос, история которого уходит в глубину веков, ответить на него *теоретически*.

Полякова Н.Б. Иначе, в ответе на этот вопрос должна производиться собственно философская концептуализация, так?

Шадрин А.А. Да, безусловно.

Полякова Н.Б. А возможно ли этот вопрос концептуализировать как-то иначе?

Шадрин А.А. Конечно. Этим вопросом (в современности) занимались М. Хайдеггер, Р. Барт, Ж.-Л. Нанси, У. Эко, другие философы. Я же сегодня пытаюсь переосмыслить его, обращаясь вот к этой уникально-универсальной врождённой способности – врождённой способности заговорить.

Полякова Н.Б. У Владимира Библихина есть интересная статья «Детский лепет», где он пишет о том, как дети начинают говорить. Библихин тоже обращается к началу говорения и его истоку. Происхождение языка исторично, а исток оказывается индивидуален и/или человечен.

Шадрин А.А. Поэтому я и пишу о том, что язык всякий раз как будто рождается заново с произнесением первого слова устами ребёнка.

Шамшури А.А. Пересекается ли здесь понятие «врождённая способность» с представлением Платона о знании как припоминании? Можно ли рассматривать язык как универсалию, говоря не языком о языке, а языком об универсалии языка?

Шадрин А.А. Вот этой проблемой как раз и занимается Ноам Хомский. О понятии трансформационной порождающей грамматики я лишь упомянул, хотя эта концепция заслуживает более пристального внимания. Заслуживает уже постольку, поскольку Н. Хомский тоже пытается задать целостность языка, когда он включается весь целиком, и ребёнок предъявляет способность к самостоятельному построению языковых конструкций, задействуя механизм, называемый Хомским «алгеброй трансформаций».

Полякова Н.Б. Мы можем рассматривать эту способность заговорить как *врождённую универсалию*, которая в полной мере реализуется *социально*, и уникальна она тогда, когда находит своё воплощение в конкретном человеке.

Шадрин А.А. Да, и тогда обнаруживается ещё одна универсалия, – ещё одна уникально-универсальная врождённая способность. – Когда язык включается весь целиком, его система начинает предъявлять и структурировать мышление ребёнка, на что и показывает, с моей точки зрения, метафора «алгебры трансформаций». Язык получает отклик мышления. Следовательно, мы можем говорить о том, что человеческий мозг обладает врождённой способностью к мышлению. Если язык – это условно внешняя система, то мышление, которое, несомненно, связано с деятельностью мозга, являет собой область внутреннего. Звук и знак материальны, мышление идеально. Тогда человеческий мозг действительно обладает врождённой способностью к мышлению, которая либо задействуется и затем развивается (т. е. может быть развита), либо нейтрализуется и безвозвратно утрачивается. По мысли А. Бадью, единица делится надвое: начав с одной врождённой способности, пришли ко второй.

Полякова Н.Б. Да, и это ещё один разворот, требующий отдельного рассмотрения. Спасибо Алексею Анатольевичу и всем участникам беседы. Затронутая нами сегодня проблематика по существу неисчерпаема, к ней, я надеюсь, мы будем обращаться и в дальнейшем. Разговор получился интересным и перспективным. На нашей следующей встрече мы планируем заслушать и обсудить выступление Алексея Владимировича Яркеева по проблеме прав человека в контексте национально-государства. До встречи в октябре!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
2. Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
3. Липавский Л.С. Теория слов // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н.Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1.

Полякова Наталья Борисовна, кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии
E-mail: midies@mail.ru

Скобелева Вероника Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры журналистики Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики
E-mail: Skver-774@yandex.ru

Шадрин Алексей Анатольевич, кандидат философских наук, доцент;
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии
E-mail: shadrin1971@gmail.com

Шамшури́н Алексей Андреевич, аспирант кафедры истории России
Института истории и социологии
E-mail: shamshurin19aleksey@gmail.com

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

Яркеев Алексей Владимирович, кандидат философских наук, доцент; старший научный сотрудник,
Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

N.B. Polyakova, V.V. Skobeleva, A.A. Shadrin, A.A. Shamshurin, A.V. Yarkeev

PROBLEMS OF PHILOSOPHICAL CONCEPTUALIZATION OF LANGUAGE: PERPETUUM MOBILE

DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-2-123-131

The work of the 5th round table discussion "Philosophy: hermeneutics of concepts" is devoted to the topic "Problems of philosophical conceptualization of language: Perpetuum Mobile". This topic is considered in the context of the problem of glottogenesis, which has a long history. In a speech by A.A. Shadrin, the problem of the language origin is revealed through an appeal to the concepts of Perpetuum Mobile and Tabula rasa. Turning to these concepts allows us to represent the language in the aspect of the implementation or neutralization of the innate ability to speak, which characterizes a person in his being. The innate ability to speak is defined as congenital but not natural. In relation to the problem of glottogenesis, the concept of Perpetuum Mobile is defined as a self-sufficient productive construct, each time returning thinking to its language source. The idea of Tabula rasa serves as a metaphor for a "clean board" on which any linguistic structures that can exist within any human language, as a whole and / or system, can appear. Thus, the traditional definition of a person as a bio-social being gives way to the philosophical concept of a person as a linguo-social being.

Keywords: language, thinking, problem of glottogenesis, perpetuum mobile, innate ability to speak, tabula rasa, congenitality, naturalness, signaling systems, linguistics, philosophical conceptualization.

Received 30.01.2020

Polyakova N.B., Candidate of Philosophy, Head of the Department of philosophy and humanities,
Institute of History and Sociology
E-mail: midies@mail.ru

Skobeleva V.V., Candidate of Philosophy, Senior lecturer of the chair of journalism
E-mail: Skver-774@yandex.ru

Shadrin A.A., Candidate of Philosophy, Associate Professor at Department of philosophy and humanities
Institute of History and Sociology
E-mail: shadrin1971@gmail.com

Shamshurin A.A., postgraduate student of the department of Russian history, Institute of History and Sociology
E-mail: shamshurin19aleksey@gmail.com

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034

Yarkeev A.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior researcher
Udmurt branch of Institute of philosophy and law, Ural division of the Russian Academy of Sciences,
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru